

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВЪ С Т Н Ш Ж Ъ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 6.

8 ФЕВРАЛЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шпльдбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшниковъ.

Редакція находится въ Офпцерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Къ № 6-му прилагаются: «Angelus», соч. Антона Контскаго, и «Элегія», соч. Равины.

Содержаніе: ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ (П. Шилевскаго, К. Званцова и М. Рапппорта). — КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ (Дм. Исаева). — КАРЛЬ-МАРИЯ ВЕБЕРЪ (продолженіе). — БИБЛИОГРАФІЯ ДОПЬ-ЖУАНА (К. Званцова).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

БЕНЕФИСЬ Г. МАРТЫНОВА (пятница, 30 января).

Влюбленный Шекспиръ, комедія въ одномъ дѣйствіи. — *Не въ деньгахъ счастье*, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, г. Чернышева. — *Антрактъ*. — *Уберите вашу дочь*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ г. Руднева. — *Дивертисментъ*. — (Вторникъ 3-го февраля) *Дебютъ г-жи Милославскаго*. — (Четвергъ, 5-го февраля). Первый выходъ г-жи *Подобьдовой 2-й*.

Г. Мартыновъ составилъ свой бенефисъ роскошно, и потому неудивительно, если замѣчательный артистъ этотъ, и безъ того любимый публикою, вполне награжденъ былъ восторженнымъ, блистательнымъ приемомъ, какой выпадаетъ на долю немногихъ актеровъ Александрискаго Театра. Такой приемъ конечно больше относится къ личности бенефицианта; но нельзя сказать, чтобъ часть его не принадлежала и автору капитальной бенефисной четырехъактной пьесы: «Не въ деньгахъ счастье», доставившей репертуару русской сцены значительное приобрѣтеніе; такъ можно утверждать на томъ основаніи, что комедія г. Чернышева до-сихъ-поръ собираетъ многочисленныхъ зрителей въ театр; нужно напередъ записать, чтобъ получить ложу. Успѣхъ пьесы г. Чернышева напоминаетъ первую комедію г. Львова.

Мы не будемъ говорить ни о содержаніи комедіи, ни о

литературныхъ достоинствахъ ея, потому что она помѣщена въ приложеніи (№ 1-й) къ нашему журналу—Репертуарѣ русской сцены, но обратимъ вниманіе читателей на исполненіе ея нашими артистами. Г. Мартыновъ исполнилъ главную роль продувнаго плута, купца Боярышниковъ, который, бросивъ бывшую свою возлюбленную вмѣстѣ съ дочерью Машенькою на произволъ судьбы, женился для приданаго на нелюбимой, болѣзненной, капризной дѣвушкѣ, оттолкнувшей его въ свою очередь, и потомъ всю жизнь страдалъ, сдѣлавшись ханжей и святошей, подозрѣвая всѣхъ окружающихъ въ желаніи обобрать его и мучимый совѣстью за то, что утаилъ десять тысячъ долга, приходившагося другу его Щукину. Роль эта чисто-драматическая и самая трудная въ пьесѣ: она выдвигается не криками и возгласами, не стукомъ и топаньемъ, а тихою, спокойною рѣчью стараго скряги, который нигдѣ не находитъ себѣ покоя и ни въ чемъ не имѣетъ утѣшенія. Г. Мартыновъ въ другой разъ уже является передъ публикою въ драматической роли; въ первый разъ онъ поразилъ зрителей исполненіемъ роли молодого разгульнаго ямщика въ драмѣ г. Потѣхша: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», теперь еще болѣе утвердилъ за собою славу высокаго драматическаго исполнителя. Артистъ вѣлъ роль Боярышниковъ спокойно, некриливо, но это спокойствіе, это глухое, мертвенное выраженіе лица въ минуты обурявшей старческой страсти, въ припадкѣ ханжескаго настроенія, этотъ горькій, недовѣрчивый взглядъ на бывшую свою любимицу, на свою дочь, эти прерывающіеся вздохи, затаенные стоны при видѣ пойманнаго въ воровствѣ приемыша Илюшки и составляютъ высокій драматизмъ артиста, потому что дѣйствуютъ на душу слушателя сильнѣе всякихъ изысканныхъ трагическихъ взглядовъ, неистовыхъ проклятій и судорожныхъ потрясеній головой и руками, придуваемыхъ пѣкоторыми актерами для эффекта. Глядя на спокойнаго Боярышниковъ въ ту минуту, когда онъ отпирается отъ взятыхъ у Щукина де-

негь, невольно думаешь, что этот спокойный воръ и плутъ далеко уйдетъ въ своемъ гнусномъ ремеслѣ, и—такъ оказывается на самомъ дѣлѣ. Г. Мартыновъ съ удивительною житейскою правдою передалъ эту, постепенно нисходящую до сердечнаго отупѣнія и ханжескаго ослѣпленія, личность; онъ обнажилъ эту постепенность во всѣхъ сценкахъ и превелъ ее чрезъ всѣ фазы нравственнаго изнеможенія Боярышниковъ съ тою человѣческою истинною и естественностью, которыя даютъ понятіе о личности выжившаго изъ ума кулака-старика. Ханжество Боярышниковъ передано г. Мартыновымъ необыкновенно типично: ~~набери~~, вотъ видишь знакомую личность и потому съ полнымъ презрѣніемъ отворачиваешься отъ нея, до такой степени живьемъ воплотилъ артистъ этого жаднаго, обюродѣвшаго старика. Въ его исполненіи не было ничего театральнаго, ни малѣйшей аффектаціи: вы видите купца Боярышниковъ со всѣми его причудами и слабостями, но въ эти минуты для зрителя не существуетъ актеръ. Даже самая гримировка необыкновенно-вѣрно придумана: она вполне подходила подъ ту апатичную личность, которую такъ мастерски изобразилъ и художественно обрисовалъ г. Мартыновъ. Артистъ всю роль передалъ съ полнымъ артистическимъ совершенствомъ; ему много аплодировали за всякое движеніе, выраженіе лица и даже за одинъ взглядъ, но особенно поразительны въ его игрѣ три мѣста. Первое, когда къ Боярышникову является Каролина Карловна и уговариваетъ его придти на обрученіе Машеньки;—колебаніе подозрительнаго старика, не увѣреннаго, дѣйствительно ли Машенька дочь его, передано психологически-вѣрно и совершенно въ характерѣ дѣйствительной жизни. Второе, когда Боярышниковъ приходитъ къ Машенькѣ и невольно поддается отцовскому чувству: сколько глубокаго, душевнаго драматизма отразилось въ объясненіи г. Мартынова съ Машенькою. Третье, когда Щукинъ убѣждаетъ Боярышниковъ взять къ себѣ отвергнутую имъ дочь Машеньку и когда Боярышниковъ, склонившись предъ рѣчами бывшаго своего друга, рѣшается ѣхать къ ней: тутъ г. Мартыновъ явился совершенно драматическимъ артистомъ и общее bravo было приговоромъ его высокому, разнообразному таланту; согласитесь, что не такъ легко встрѣтить въ одной и той же личности высокаго комика и сильнаго драматическаго исполнителя... Г. *Самойловъ* просто и натурально представилъ горемыку Щукина, обиженнаго Боярышниковымъ и проведшаго всю жизнь на чердакѣ, въ углу; въ послѣднемъ дѣйствіи, въ минуту объясненія Щукина съ Боярышниковымъ, онъ много способствовалъ своею игрою общему эффекту этой грустной сцены, отъ которой зависѣло рѣшеніе судьбы Машеньки. Г. *Бурдинъ* съ увлеченіемъ сыгралъ роль Ильюшки, вбалмошнаго парня, которому тѣсно въ четырехъ стѣнахъ старика и который такъ и рвется на волю; нѣсколько размахисто передалъ только г. Бурдинъ ту сцену, когда Боярышниковъ отталкиваетъ Ильюшку и выгоняетъ съ уворованными имъ деньгами; артистъ приходитъ въ излишній азартъ и почти обрывается, крича: «ха, ха, ха! вотъ заляюсь, такъ заляюсь! отвернись душа, развернись тѣло, катай-валяй безъ просыну, на вѣ!» Г-жа *Линская* безукоризненно выполнила роль суетливой скопидомки-Шѣмки, душевно преданной своей шштомицѣ и готовой на всѣ непріятныя сцены для счастья Машеньки... Г-жа *Сниткова* *З-я* представила скромницу, умную, благородную сироту, тоскующую о томъ, что не можетъ видѣть своего отца; игра ея была ровная и правильная. Г. *Чернышевъ* совершенно на мѣстѣ былъ въ роли конторщика Сергѣева. Гг. *Алексеевъ* и *Зубровъ* очень-ловко гримировались и

поддерживали общій ансамбль исполненія пьесы. Повторимъ, комедія г. Чернышева имѣла большой успѣхъ въ сценическомъ отношеніи. По окончаніи пьесы, автора вызвали нѣсколько разъ.

Для начала дана одноактная переводная комедія «Влюбленный Шекспиръ». Содержаніе ея взято изъ жизни великаго поэта, который въ первой молодости, когда еще не былъ знаменитъ, влюбился въ актрису Кларису (г-жа *Владимірова*) и ревновалъ ее къ какому-то лондонскому франту; чтобы убѣдиться въ своемъ подозрѣніи, Шекспиръ (г. *Степановъ*) переодевается этимъ же франтомъ, ~~подслушиваетъ~~ разговоръ Кларисы съ горничною Анною (г-жа *Левкѣева*) и къ стыду своему, узнаетъ, что Клариса никого не любитъ, кромѣ его. Г-жа *Владимірова* играла удовлетворительно и притомъ съ большимъ вкусомъ была одѣта. Г. *Степановъ* нѣсколько-время велъ роль восторженнаго Шекспира: сцена ревности вышла у него тяжеловато и, главное, аффектирована; слышались одни фразы, а любви не замѣтно было. Г-жа *Левкѣева* очень-развязно исполнила роль преданной горничной.

Переводный водевилъ «Уберите вашу дочь» забавенъ, но слишкомъ растянута. Живописецъ Фольбрезъ (г. *Максимовъ* 1-й), живя чрезъ улицу противъ дома помѣщика Мопдубляра (г. *Григорьевъ*), не могъ работать, потому что ему мѣшала, постояннымъ своимъ появленіемъ на балконѣ, помѣщицы дочь Зиночка (г-жа *Шубертъ*); для этого онъ проситъ отца ея запретить ей выходить на балконъ. Отецъ находитъ странную претензію живописца и отказываетъ ему, ссылаясь на то, что дочь его должна пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Живописецъ затѣваетъ кутерьму, входитъ въ квартиру помѣщика и начинаетъ шумѣть, но тутъ онъ встрѣчается лицомъ-къ-лицу съ Зиночкою и начинаетъ ухаживать за нею: онъ слишкомъ-пылокъ и тотчасъ влюбляется. Потомъ узнаетъ, что Зиночка слишкомъ-взяла и, какъ говорится въ пьесѣ, *кисло-сладка*; тутъ онъ разочаровывается и влюбляется въ другую дочь помѣщика—Юлиньку (г-жа *Стрѣльская*), бойкую, буйную... Зиночка узнаетъ отъ сестры, что живописцу правится бойкія и она тоже начинаетъ спорить, браниться съ нимъ. Живописецъ соглашается жениться на ней и отбываетъ у нее жениха (г. *Стрекаловъ*). Г. *Максимовъ* 1-й придавъ своей роли характеръ чисто-юмористическій и выдвинулъ ее оживленною рѣчью и забавною жестировкою. Г-жа *Шубертъ* очень-ловко съумѣла представить скромницу, что и слѣдовало по смыслу пьесы. Г-жа *Стрѣльская* бойко передала небольшую роль бойкой Юлиньки.

Въ антрактахъ танцовали: г-жи *Лядова* и *Савренская*, гг. *Пвановъ*, *Ильинъ* и пріѣзжій танцоръ придворнаго копенгагенскаго театра, г. *Марвишъ*: послѣдній съ большою эластичностью и плавностью протанцовалъ народный матросскій танецъ; артистъ этотъ очень пріятной наружности.

Въ прошедшій вторникъ (3-го февраля) дебютировалъ провинціальный актеръ г. *Милославскій*, о которомъ такъ много писали разныя губерскія вѣдомости и особенно казанскіе театралы: г. Милославскій по-преимуществу актеръ казанскаго театра. Послѣ всѣхъ этихъ панегириковъ и самыхъ восторженныхъ похвалъ, очень-натурально было ожидать отъ дебютиста чего-то особеннаго, но-крайней-мѣрѣ хоть половины того, что о немъ писали. Къ сожалѣнію, мы не вполне раздѣляемъ возгласы панегиристовъ послѣ перваго дебюта г. Милославскаго, въ роли Гамлета, которою онъ хотѣлъ обозначить себя предъ столичною публикою. Мы думаемъ, что

г. Милославскій не совсѣмъ удачно выбралъ первый дебютъ. Росту онъ большаго, развязанъ, свободенъ. Онъ показался намъ болѣе бойкимъ, салоннымъ героемъ нашего времени, чѣмъ историческимъ Гамлетомъ; выходитъ онъ всякой разъ очень-изящно, презентабельно, но какъ только начинаетъ говорить—впадаетъ въ манерность, рисуется и даже, такъ сказать, *кокетничаетъ съ собою*. Притомъ голосъ у него нѣсколько глухой и переходы отъ спокойной, тихой рѣчи къ сильной интонаціи необыкновенно стремительны, круты безъ постепенности; это напонищаетъ намъ классическую школу, чуждую житейской естественности и дѣйствительной человечности. Лучшее мѣсто у него то, когда Гамлет бросается къ ногамъ матери и умоляетъ ее опомниться и обратиться на путь истины. Но за-то весь третій актъ онъ передалъ, по мнѣнію нашему, слишкомъ-неправильно, какъ-то шпарно; во-нервыхъ, онъ входитъ къ матери неумѣстно-бойко и ведетъ начальную рѣчь рѣзко; затѣмъ, что за удалство предъ портретомъ короля, надъ которымъ онъ глумится, подбоченясь какъ-то воинственно; наконецъ, зачѣмъ онъ расхаживаетъ слишкомъ-размашисто, когда королевская свита собирается на спектакль?... А правильно ли ведетъ себя этотъ актеръ, когда мать проситъ его сѣсть возлѣ нее, во время театральнаго зрѣлища, а онъ какъ-то кокетливо и съ салонною насмѣшкою произноситъ, указывая на Офелію: «туда меня манить»? Не довольно правильно произноситъ онъ клятву съ мечемъ въ присутствіи друзей, послѣ свиданія съ тѣню короля. Вообще нѣсколько жесткости и декламационнаго тона отражается въ игрѣ г. Милославскаго, по-крайней-мѣрѣ такъ мы нашли игру его въ роли Гамлета; посмотримъ, какъ онъ играетъ въ другихъ пьесахъ. Впрочемъ г. Милославскаго приняли благосклонно и облаkali, какъ гостя... Конечно, онъ не безъ таланта.

Въ четвергъ, 5-го февраля, съ замѣчательно-счастливымъ успѣхомъ дебютировала воспитанница Императорскаго Театральнаго Училища, г-жа *Подобѣдова 2-я*, въ извѣстной фантазіи: «Весною». Артистка эта чрезвычайно-пріятной, симпатичной наружности, съ мягкими манерами, сразу расположившими зрителей въ ея пользу. Игра ея натуральна, полна граціозности; можно надѣяться отъ нея со-временемъ болѣе высокой сценической подпоры. На-дняхъ она будетъ играть въ болѣе серьезной пьесѣ: «Школа женщинъ», и мы тогда скажемъ объ ней подробнѣе. Теперь замѣтимъ, что своею оживленною, естественною игрою она произвела общее пріятное, отрадное впечатлѣніе; ее вызвали много разъ. — Искренно желаемъ, чтобъ такой же пріемъ, только въ болѣе прогрессивномъ размѣрѣ, встрѣчала г-жа Подобѣдова дальше и дальше... Сбудется ли наше желаніе?

п. шпилевскій.

БЕНЕФИСЪ Г-ЖИ ШЁНГОВЪ, 31 января.

Г-жа Элиза Шёнгофъ въ свой бенефисъ дала двѣ самыя противоположныя другъ другу пьесы: *Der erste Waffengang* и *Der böse Geist Lumpacivagabundus*. Обѣ далеко не новы: первая изъ нихъ—переводъ Французской комедіи *Les Premières Armes de Richelieu*, въ которой нѣкогда отличалась Луиза Майеръ; вторая пьеса давно извѣстна на всѣхъ сценахъ Нѣмецкихъ.

Первые подвиги герцога Ришльё—весьма занимательная, ловкая историческая шутка, содержаніе которой однако же смѣшно было-бы въ сотый разъ пересказывать читателямъ:

имъ вѣдь дѣла пѣтъ до того, что я видѣлъ эту шутку въ первый разъ отъ роду и что она снискала мое расположеніе! И такъ, скажу только нѣсколько словъ объ игрѣ артистовъ-начиная съ бенефициантки. Съ особеннымъ удовольствіемъ долженъ я сознаться, что она была безукоризненно хороша въ роли пятнадцатилѣтняго герцога, влюбленнаго въ жену свою, наперекоръ замысламъ вздорной тещи и обычаемъ тогдашняго легкомысленнаго общества. На страницахъ этого Вѣстинка неоднократно имѣлъ я случай высказать отвращеніе свое къ Французскимъ пьесамъ на сценѣ Нѣмецкой. Оставаясь при такомъ убѣжденіи, замѣчу, что разногласица, неестественность въ представляемыхъ Нѣмцами чуждыхъ имъ правовъ и характеровъ въ пьесахъ, гдѣ изображено высшее общество старыхъ временъ, гораздо менѣе замѣтна, нежели тамъ, гдѣ передъ нами напр. сельская, чисто-народная картина современной намъ Франціи, потому что подъ раззолоченными кафтанами да напудренными париками народность почти исчезаетъ, тогда какъ въ простомъ быту она является въ формахъ, ей только свойственныхъ. Въ какой-нибудь риторической пьесѣ Жоржа Сапда Нѣмецкіе актеры еще страннѣе, чѣмъ въ Шиллеровой *Kabale und Liebe* актеры Французскіе, или напр. Италіянская триллерная примадонна въ роли родной нашей Антониды! Дѣйствительно: всѣ игравшіе въ пьесѣ *Ришльё* здѣшніе артисты: г-жи Альбрехтъ, Брюнингъ, Морхагенъ и Элерсъ, гг. Фихтманъ, Шварцъ и Гертперъ были недурны, не говоря уже о бенефицианткѣ, которая отлично исполнила одну изъ труднѣйшихъ мужскихъ ролей, писанныхъ (вздорная Французская фантазія!) для женщинъ. Въ подобныхъ роляхъ хорошо помнятся мнѣ Асенкова, Майеръ и нѣкоторые другія подражательницы знаменитой Дежазѣ; совсѣмъ тѣмъ, я долженъ отдать полную справедливость г-жѣ Шёнгофъ, что она нѣсколько не уступаетъ имъ. Наивно заблуждаются тѣ степенные цѣнители драматическаго искусства, которые думаютъ, будто въ роли молодого мушкетера актриса обязана казаться намъ настоящимъ мушкетеромъ, будто цѣль автора подобной роли заключалась въ желаніи произвести полную иллюзію... совсѣмъ пѣтъ! шаловливый авторъ именно на то и рассчитывалъ, чтобы сквозь мужской костюмъ мелькали прельщающія пожимы знатковъ формы; съ своей же стороны ловкія артистки обыкновенно не упускаютъ случая воспользоваться съ лихвою такими данностями, и при малѣйшей неловкости, тошно дѣлается знатокамъ—не шалостей, а истиннаго искусства. Вотъ въ чемъ для хорошей актрисы заключается главная трудность мужскихъ ролей, именно: чтобы, не взирая на всю неестественность, на всю анти-эстетическую вздорность подобной затѣи, произвести на строгаго даже зрителя пріятное впечатлѣніе, отнюдь не стараясь ни казаться дѣйствительнымъ мушкетеромъ, ни обольщать красивыми женскими формами въ нескромномъ нашемъ нарядѣ. Всѣ эти затрудненія вполне были поняты и устранены въ настоящемъ случаѣ: г-жа Шёнгофъ въ роли герцога Ришльё можетъ правиться всякому, кто только любитъ хорошія сценическія представленія, и съ большимъ искусствомъ осуществила забавную, остроумную личность историческаго шалуна въ родѣ герцога Рокльбра, графа Граммонъ и прочихъ Французскихъ донъ-Жуановъ.

Въ волшебной пьесѣ *Lumpacivagabundus* роли трехъ подмастерьевъ (столяра, портнаго и сапожника) играли гостище теперь у насъ карлики: Н. Пѣти, И. Никколо и Кишъ Юши (Юсифъ Кишъ—Венгерецъ). Карликовъ видѣтъ гораздо чаще случается, чѣмъ отличныхъ актеровъ, каковы эти три

карлика. Наружность ихъ не только не безобразна, но даже довольно пріятна, особенно первыхъ двухъ. Представьте себѣ семилѣтнихъ мальчиковъ, ловкихъ и вертлявыхъ, исполняющихъ комическія роли взрослыхъ людей, но съ полнымъ, глубокимъ знаніемъ страстей и глупостей человѣческихъ, съ самымъ тонкимъ комизмомъ, съ самой естественной мимикой передающихъ намъ эти страсти и глупости: вотъ вамъ вѣрное, нисколько не преувеличенное описаніе гг. Пѣти, Пикколо и Киша. Публика отъ нихъ въ восторгѣ; въ бенефисъ г-жи Шенгофъ Александринскій театръ былъ совершенно полонъ и въ продолженіе всего вечера оглашался единодушными рукоплесканіями и криками.

К. ЗВАНЦОВЪ.

Еще нѣсколько словъ о бенефисѣ г. Мартынова.—Бенефисы: г-жи Фридбергъ, г-на Тамберлика, г-жи Мейеръ.—Предстоящіе бенефисы.—Домашній спектакль у графа Гр. Кушелева-Безбородко.—Концерты.

Какъ оказывается, въ театральномъ мірѣ, самое замѣчательное явленіе прошедшей недѣли—бенефисъ г. Мартынова. Отчетъ нашего сотрудника помѣщенъ выше, мы прибавимъ только, что и на повтореніи театръ былъ рѣшительно полонъ; автора и артистовъ вызывали восторженно,—значитъ, новая пѣса имѣетъ блистательный успѣхъ; это фактъ, который позволяемъ себѣ внести въ нашу лѣтопись, тѣмъ болѣе, что появленіе дѣльной оригинальной комедіи рѣдкость. Все-таки есть господа, которымъ пѣса не нравилась, потому что содержаніе взято изъ быта купеческаго: «Это насъ не можетъ интересовать, произнесъ громко въ антрактѣ одинъ господинъ, считающій себя театраломъ-авторитетомъ; для подобныхъ пѣсѣ слѣдовало бы выстроить особый театръ, пѣсы эти не для насъ писаны». Грустно подумать, что есть еще *отсталые* люди, рѣзко удаляющіеся отъ прогресса. Богъ бы съ ними, но бѣда въ томъ, что эти люди пользуются въ извѣстныхъ кружкахъ авторитетомъ и слѣдовательно имѣютъ вѣстотное вліяніе на частичку публики и, конечно, при всеобщемъ стремленіи къ прогрессу, вліяніе это все-таки составляетъ маленькое пятнышко на ярко-свѣтящемъ солнышкѣ. Не для васъ господа пишутъ, а строятъ особый театръ для пѣсѣ въ родѣ пѣсы г. Чернышева право нѣтъ надобности; развѣ для васъ господа слѣдовало бы выстроить театръ, чтобы въ присутствіемъ своимъ и громкими возгласами не мѣшали общему впечатлѣнію большинства, стремящагося идти вмѣстѣ съ временемъ впередъ. Думайте, господа, что вамъ угодно, но не выходите съ вашимъ мнѣніемъ громко, не пользуйтесь правомъ критиковать все новое, никто вамъ этого права не давалъ. Сужденія театрала невольно вызвали насъ высказать наши мысли, но довольно,—продолжаемъ нашу лѣтопись. Намъ слѣдуетъ сказать еще о бенефисѣ г-жи Фридбергъ, поставившей, какъ извѣстно, балетъ Сонambuлу, въ которомъ преобладаетъ мимика, танцевъ мало, притомъ сюжетъ, почти цѣлкомъ заимствованный изъ оперы, слишкомъ извѣстенъ и поэтому балетъ показался скучноватымъ и не имѣлъ особеннаго успѣха, тѣмъ болѣе, что большинство нашей публики предпочитаетъ танцы мимикѣ. Во всемъ балетѣ въ хореографическомъ отношеніи только и интересны *pas de deux* (г-жа Фридбергъ и г-нъ Петина) и *les quatre cantons* (г-жи Фридбергъ, Прихупова, Муравьева и Петина). Нечего и говорить, что на эти исполнены были, какъ обыкновенно исполняютъ все отличныя наши танцовщицы, но этого мало, чтобы поддержать инте-

ресъ на весь вечеръ; намъ остается только сказать, что г-жа Фридбергъ по-обыкновенію мимировала съ истиннымъ талантомъ и что принята была публикой радушно.—Новая декорация въ 4-й картинѣ достойна кисти талантливаго декоратора г. Вагнера. Бенефисъ г. Тамберлика въ прошедшую субботу состоялся самымъ блистательнымъ образомъ. Театръ былъ рѣшительно полонъ, шуму, рукоплесканій много, и стояло: исполненіе Отелло было вполне образцовое; Тамберликъ лучше, чѣмъ когда-либо, онъ поетъ съ большею противъ прежняго обдуманностію и умѣренностію и это обстоятельство упрочило успѣхъ его у насъ на долгое время; знаменитое *ut dieze* удалось какъ нельзя лучше и по-обыкновенію произвело на публику потрясающее дѣйствіе. Г-нъ Кальцолари, несравненный Родриго, былъ въ особенности въ полномъ блескѣ своихъ средствъ въ этотъ вечеръ и единодушно вызванъ два раза послѣ своей вставной арии. Г-жа Бозіо, если мѣстами и не доставало силы, щедро вознаграждала этотъ недостатокъ мастерскимъ исполненіемъ, а въ особенности она произвела восторгъ исполненіемъ знаменитаго романса 3-го дѣйствія. Г-жа Мейеръ угостила насъ въ своемъ бенефисѣ однимъ изъ лучшихъ произведеній даровитаго Октава Фелье, «*Le Roman d'un jeune homme pauvre*» (романъ бѣднаго молодого человѣка). Комедія передѣлана изъ романа подъ тѣмъ же заглавіемъ. И романъ и комедія необыкновенно занимательны, трогательны и обличаютъ въ авторѣ большое знаніе сердца человѣческаго. Все тутъ просто, не удаляется отъ дѣйствительности и между тѣмъ необыкновенно эффектно. Пѣса смотрится съ возрастающимъ интересомъ и зритель невольно принимаетъ участіе въ дѣйствующихъ лицахъ. Мы всегда избѣгаемъ сухаго разсказа сюжета, когда читателю предстоитъ возможность познакомиться съ произведеніемъ вполне; притомъ, послѣ появленія пѣсы этой въ Парижѣ, было о ней говорено въ Вѣстникѣ, поэтому тѣмъ, которымъ не удастся посмотреть пѣсу на сценѣ, советуемъ прочесть романъ. Мы ограничимся только нѣсколькими словами объ исполненіи. По-обыкновенію пѣса разыграна была съ рѣдкимъ ансамблемъ: г-нъ Бертошъ въ главной роли былъ безукоризненно хорошъ, г-нъ Лемениль типиченъ въ роли добродушнаго честнаго нотаріуса, г-нъ Мондидье удачно выполнилъ характеристическую, почти нѣмую роль 80-ти лѣтняго старика, однимъ словомъ все участвующіе (г-жи Вольнисъ, Лемениль, гг. Бондуа, Варье и др.) содѣйствовали успѣху пѣсы. Г-жа Терикъ была совершенно на мѣстѣ въ роли деревенской простушки. По мнѣнію нашему не доставало только одушевленія въ игрѣ г-жи Мейеръ. Она должна была представить пылкую, огненную креолку, страстно любящую и вмѣстѣ съ тѣмъ недоувѣрчивую и гордую, но въ игрѣ г-жи Мейеръ отражалось только чувство недоувѣрія, гордости, страсти не доставало, и даже она казалась болѣе женщиною холодной, чѣмъ страстной; въ сильныхъ драматическихъ мѣстахъ, намъ кажется, не доставало тоже довольно энергій. Вообще пѣса произвела на зрителей большое впечатлѣніе, всю недѣлю привлекала многочисленную публику и вѣроятно долго удержится въ репертуарѣ.

Предстоящая недѣля обѣщаетъ театрамъ нашимъ бездну удовольствій и сильныхъ ощущеній: Сегодня бенефисъ г-жи Арио, въ среду Н. В. Самойловой (нѣкоторыя подробности мы уже сообщили), въ четвергъ г-жи Феррарисъ, въ субботу г-жи Бозіо. Однимъ словомъ бенефисы звѣздъ всехъ возможныхъ труппъ; воображаемъ себѣ, какое движеніе будетъ въ нашемъ театральномъ мірѣ. Выписываемъ изъ афишъ

нѣкоторыя подробности бенефиса г-жи Феррарисъ (*), подробности эти ясно говорятъ объ интересѣ спектакля. Въ бенефисѣ г-жи Бозио пойдутъ «Пуритане». Въ бенефисѣ г. Сѣтова дана была въ первый разъ «Жидовка», отчетъ представимъ въ слѣдующее воскресенье.

Въ то время, когда въ театрахъ нашихъ кипитъ все необыкновенною жизнью, и домашніе спектакли въ свою очередь идутъ на славу. Любовь къ драматическому искусству растетъ у насъ съ каждымъ днемъ,—учшимъ доказательствомъ возрастающее число домашнихъ спектаклей. Нельзя не радоваться такому утѣшительному факту, свидѣтельствующему о развитіи въ обществѣ нашемъ изящнаго вкуса и стремленія къ благороднымъ развлечениямъ. Мы съ наслажденіемъ присутствовали въ прошедшій вторникъ на одномъ изъ такихъ спектаклей у графини и графа Кушелева-Безбородко, извѣстнаго любителя-композитора и покровителя искусствъ вообще. Каждую недѣлю великолѣпныя палаты графа наполняются артистами, художниками, литераторами, встречающими самый радушный пріемъ. Музыка смѣняется оживленно бесѣдою, бесѣда танцами, однимъ словомъ всегда весело. Въ прошедшій вторникъ дѣшла очередь до домашняго спектакля и блистательное общество наполнило нарочно для этой цѣли устроенную залу. Сцена довольно помѣстительная, декорации свѣжія и изящныя, полный оркестръ (собственный графа, подъ управленіемъ даровитаго нашего скрипача-солиста Минкуса), однимъ словомъ тутъ все принадлежности театра въ полномъ комплектѣ. Спектакль начался сценою изъ «Евгенія Онѣгина». Затѣмъ слѣдовали: «Piano de Berthe» (на французскомъ языкѣ) и отрывки (въ костюмахъ) изъ оперъ: Дочь полка, Риголетто (квартетъ), Троваторе (miserere) и Севильскаго цирюльника. Не считаемъ себя въ правѣ упомянуть здѣсь имена исполнителей-любителей, не считаемъ себя въ правѣ разбирать игру, скажемъ только, что все веселилось отъ души, время проходило незамѣтно, а на насъ вечеръ этотъ произвелъ самое отрадное, пріятное впечатлѣніе. Отрывки изъ оперъ исполнены были г-ми Еверарди, Чиарди и гг. Мопжини и Еверарди, который съ большимъ успѣхомъ исполнилъ входную арію изъ Севильскаго цирюльника.— Въ числѣ приглашенныхъ находился знаменитый нашъ гость Теофиль Готье.

М. РАЦЦАПОРТЬ.

Р. S. Вѣроятно нынѣшній концертный сезонъ будетъ отличаться, если не достоинствами, то во всякомъ случаѣ многочисленностію концертовъ, судя потому, что концерты начались уже въ настоящее время. Сегодня концертъ г. Мортье де Фоптена, программа разнообразная и довольно-интересная, отчетъ сообщимъ въ слѣдующемъ №. Въ прошедшее воскресенье г-жа Тереза Понта (графиня де Ла Розе) явилась вторично передъ нашей публикой въ музыкальномъ утрѣ, данномъ ею въ университетскомъ залѣ. О томъ, что г-жа Понта прекрасно играетъ на цитрѣ, извѣстно уже нашимъ читателямъ, но кромѣ пьесъ на цитрѣ она исполнила еще съ успѣхомъ нѣсколько пѣмецкихъ романсовъ Кюкена, Шуберта и Гумберта и «Frühlingslied» Мендельсона Бартольди. Она

(*). Первое дѣйствіе балета «Наада и рыбаки» (Sicilienne, исполн. г-жа Прихунова). Первое дѣйствіе «Жизели» (г-жа Феррарисъ исполнила въ первый разъ роль «Жизели» Pas de deux (г-жа Муравьева и г. Гюго). «Grand pas du bouquet» (г-жа Феррарисъ и г. Югансонъ). Большая сцена изъ *Дмитрія Донскаго*: исполнить въ 1й разъ г. Тамберликъ. *Carnaval de Venise* (г-жа Феррарисъ и г. Петица). Союзъ исполнить г. Чиарди.

обладаетъ пріятнымъ, звучнымъ голосомъ, но о методѣ и степени артистическаго ея развитія поговоримъ въ другой разъ. Въ концертѣ приняли участіе гг. Аптонъ Контскій, Шубертъ и Вурмъ, которыхъ нельзя не благодарить, какъ за содѣйствіе, такъ и за удовольствіе, доставленное публикѣ своимъ участіемъ.

Въ четвергъ, талантливый нашъ капельмейстеръ Дютшъ далъ музыкальное утро, привлечшее многочисленныхъ слушателей. Намъ не удалось быть, но мы слышали, что отрывки изъ попой оперы г. Дютша (Кроатки) имѣли большой успѣхъ. Вѣроятно опера эта будетъ поставлена и тогда представится намъ случай вполне оцѣнить композиторскій талантъ г. Дютша, котораго, судя по слышаннымъ нами еще въ прошломъ году отрывкамъ, кажется, ожидаетъ большая извѣстность въ музыкальномъ мірѣ. Хотя мы и не были въ концертѣ, но программа ручается въ томъ, что онъ былъ необыкновенно-интересенъ. Принимали участіе: хоръ Италіанской оперы, гг. Шубертъ, Чиарди, Вурмъ, Минкусъ, г-жа и г. Дютшъ, Еверарди, Дебассини и Тамберликъ, который спѣлъ русскіе романсы: «Ея ужъ нѣтъ» (П. Булахова) и «Скажите ей» (*). Г. Тамберликъ чудно поетъ русскіе романсы и заслуживаетъ душевное спасибо за то, что, какъ иностранецъ, онъ не пожалѣлъ труда разучить русскую музыку. Готовность эта, доставляя наслажденіе публикѣ, весьма-похвальна, и что тутъ удивительнаго, что знаменитый артистъ такъ любимъ всеми.

М. Р.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Воспитанница, сцены изъ деревенской жизни, А. Островскаго (Библ. для чт., январь 1859 г.).—Обязательный человекъ, М. Михайлова (Русское Слово, январь 1859 г.).—Теща, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, П. Кроля (Русскій міръ, 13-го января, № 3 ъ).

Библиотека для чтенія въ январской книжкѣ напечатала нѣсколько статей нашихъ лучшихъ литераторовъ, какъ Тургеневъ, Толстой и Островскій. Хотя эти статьи не отличаются особеннымъ литературнымъ достоинствомъ, однако все-таки пріятнѣе прочесть небольшое, но съ мыслию написанное произведеніе, чѣмъ безтолковое какого-нибудь писателя-труженика. Мы не остановимся на разборѣ двухъ первыхъ статей, какъ не подходящихъ подъ условіе нашихъ «замѣтокъ», но за-то постараемся дать по-возможности подробный отчетъ о новой комедіи нашего даровитаго драматическаго писателя. Въ новомъ произведеніи г. Островскаго мы тотчасъ узнаемъ автора «Свои люди сочтемся» и «Не въ свои сани не садись»;—тѣ же характеры, хотя не на одинаковой почвѣ. Купеческій бытъ автору удался чрезвычайно, бытъ старинныхъ помѣщиковъ не менѣе,—понятно, почему: между тѣмъ и другимъ много общаго; тѣ же предрасудки и повѣрья, проявляющіяся въ одинаково грубой формѣ. Уланбекова, набѣленная, нарумяненная и богато-одѣтая помѣщица 2,000 душъ,—та же толстая купчиха, считающая великимъ соблазномъ, если дѣвушка поговоритъ съ мужчиной. Слава Богу, такія личности въ нашъ вѣкъ выводятся, хотя еще не совсѣмъ;—Уланбекова—женщина, по своему положенію, современная, но по идеямъ далеко отсталая... Уже г. Андрей Печерскій въ своихъ превосходныхъ статьяхъ «Бабушкины рассказы», а именно «Настенька Боровкова», вѣрно очертилъ старинный бытъ нашего общества, первую потребностію котораго было содержаніе стаи воспитанницъ... Г. Островскій въ своихъ «сценахъ

(*) Романсы эти продаются въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго.

изъ деревенской жизни» разсматриваетъ тотъ же весьма странный и гибельный по послѣдствіямъ обычай, взявъ примѣръ изъ нашего современнаго общества, среди котораго чрезвычайно-много застарѣлыхъ старовѣровъ съ самымъ ужаснымъ взглядомъ на жизнь. Деспотизмъ есть одинъ изъ главныхъ недостатковъ этого класса людей. Привыкнувъ повѣловать всѣмъ и строго держать все въ своей власти, они сильно возстаютъ противъ всякаго свободнаго проявленія, — вотъ зло, которое такъ долго препятствовало улучшить бытъ нашего крестьянина!.. Уланбекова одна изъ такой среды старовѣровъ; окруженная толпою воспитанницъ, она не позволяетъ ни единого собственнаго слова: все должно дѣйствовать по ея волѣ. Преслѣдуя безправственность, она съ неутомимымъ рвеніемъ слѣдитъ за своими пріемышами, приставивъ сверхъ того смотрительницу надъ ихъ нравственностію, — Гавриловну, которая, не смотря на свои преклонныя лѣта, не прочь полюбезничать съ дворецкимъ Потапычемъ, такимъ же старымъ селадомомъ, какъ и она сама. Какъ не пеклась Уланбекова о сохраненіи чистой нравственности между своими воспитанницами, однако не успѣла воспрепятствовать почному свиданію Нади съ сыномъ ея Леонидомъ, юношей 18 лѣтъ, учащимся въ Петербургѣ... Этотъ молодой человѣкъ, повидному еще не испорченный и не испытавшій перваго пыла любви, съ полнымъ увлеченіемъ предается новой страсти, которой не суждено долго продолжаться. Приживалка въ домѣ, Василиса Перегриповна, старая и ворчливая дѣва, подсматриваетъ шалости молодого барича и точасъ доноситъ маменькѣ о недобродѣтельномъ поведеніи ея дражайшаго сына... Результатъ ясенъ: маменька выходитъ изъ себя, приказываетъ Надѣ выдти за перваго попавшагося жениха, а сынокъ, храбрившійся за-глаза, въ присутствіи маменьки теряетъ послѣднюю твердость характера и бѣжитъ скрыться отъ гнѣвныхъ взоровъ родительницы, оставляя ей на жертву бѣдную Надю... Таково содержаніе сценъ, которыя чрезвычайно удались г. Островскаго. Характеръ старухи Уланбековой выраженъ прекрасно; эта женщина помѣшана на дѣланіи добра, которое у нея даетъ всегда злыя послѣдствія. Такъ, заботясь о своихъ воспитанницахъ, она выдаетъ ихъ замужъ, конечно по собственному произволу, безъ всякаго съ ихъ стороны согласія, и воспитанницы всѣ пренесчастныя; — начало доброе, конецъ же худой... Фраза, которою Уланбекова отвѣчаетъ своей приживалкѣ, чрезвычайно-вѣрно ее обрисовываетъ: «Нельзя же душа моя! — нужно дѣлать ближнимъ добро». На это ей Василиса Перегриповна говоритъ: «Да чувствуютъ ли они это добро-то? Могутъ ли они понять, безчувственные животныя, сколько вашего для нихъ спихожденія?.. Уланбекова: «А миѣ все равно, милая! для себя надо добро дѣлать, для своей души»... Не правда ли, читатель, что изъ этихъ словъ вы уже знаете эту жепщину?.. знаете, что ея убѣжденія только фраза, порожденная желаніемъ казаться добродѣтельною и богомольною, однимъ словомъ ханжею... Застарѣлость взгляда и понятій богатой помѣщицы проявляется всюду, — вотъ, папримѣръ, ея мнѣніе о карьерѣ своего сына: «Бывало гляжу на него, а у самой такъ слезы и катятся: нѣтъ, не придется миѣ его видѣть въ гвардейскомъ мундирѣ. Но тяжелѣй всего миѣ было, когда отецъ, по болѣзни, долженъ былъ его опредѣлить въ штатскую школу. Чего миѣ стоило отказаться отъ мысли, что онъ будетъ военный! я полгода больна была. Ты представь только себя, когда онъ копчигъ курсъ, ему дадутъ такой же чинъ, какой даютъ приказнымъ изъ поповичей! На что это похоже? Въ военной служ-

бѣ, особенно въ кавалеріи, всѣ чины благородны; даже юнкеръ, ужъ сейчасъ видно, что изъ дворянъ. А что такое губернской секретарь или титулярный совѣтникъ? Всякій можетъ быть титулярный совѣтникъ, и купецъ, и семинаристъ, и мѣщанинъ, пожалуй, — только стоитъ поучиться, да послужить. Другой изъ мѣщанъ способенъ къ ученью-то, такъ онъ еще пожалуй чиномъ-то обгонитъ. Какъ это заведено! какъ это заведено! Ну ужъ! не люблю я ничего осуждать, что отъ вышшаго начальства установлено, и другимъ не позволяю, а ужъ этого не похваляю. Всегда буду вслухъ говорить, что это несправедливо». Ми парочно выписали этотъ длинный монологъ, чтобы показать, каковы понятія такихъ людей, какъ Уланбекова; для нихъ будь хоть глупцомъ, лишенымъ всякаго смысла, только служи въ гвардіи и носи военный мундиръ, — какъ-будто эполеты, да каска есть знакъ всего прекраснаго, умнаго и образованнаго... Какой ужасно ложный взглядъ!!! Мы выше выразили, что деспотизмъ помѣщиковъ много мѣшалъ улучшить бытъ крестьянина, такъ точно уродливость взгляда маменькѣ препятствуетъ дѣтямъ ихъ быть порядочными людьми... Можно вообразить, что за современный человѣкъ будетъ Леонидъ Уланбековъ?.. Уже теперь видно въ немъ безхарактерность и слѣды самаго ложнаго воспитанія: что же будетъ даѣе, если эти начала въ немъ усвоятся, что же за прогрессистъ будетъ онъ?.. Ложныя понятія видны уже въ этомъ будущемъ дѣятелѣ.

Леонидъ. Вѣдь все это, Потапычъ, мое будетъ.

Потапычъ. Все, сударь, ваше и мы всѣ ваши будемъ... Какъ, значитъ, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны... потому — одна кровь... Ужъ это прямое дѣло. Конечно, продли Богъ вѣкъ вашей маменькѣ...

Леонидъ. Я ужъ тогда, Потапычъ, служить не стану, прямо въ деревню приѣду, здѣсь и буду жить...

Потапычъ. Нельзя, сударь, вамъ не служить.

Леонидъ. Ну да, какъ же! нужно миѣ очень: — еще писать заставятъ!

Потапычъ. Нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужъ это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ, самую барственную, великатую: работать будутъ приказныя, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ; а чины ужъ сами собой пойдутъ.

Леонидъ. Развѣ вице-губернаторомъ сдѣлаютъ, либо въ предводители выберутъ!..

Этихъ небольшихъ выписокъ по нашему мнѣнію довольно, чтобы показать, какой богатый сюжетъ представлялся для г. Островскаго, и надо ему отдать справедливость, что эти сцены ему удалось чрезвычайно. Авторъ прекрасно выразилъ характеры матери, сына и старой приживалки, болѣе требовать мы отъ сценъ не въ правѣ, по скажемъ только, что этотъ предметъ — обширная капва для драмы... Г. Мих. Михайловъ между прочими своими статьями, которыхъ, порядочное количество въ 1-й книжкѣ «Русскаго Слова», помѣстилъ небольшой рассказъ въ драматической формѣ, взятый изъ вседневной жизни. «Обязательный человѣкъ» по своему содержанію подходитъ подъ то число драматическихъ произведеній, которыя, если бы были представляемы на сценѣ, то имѣли бы огромный успѣхъ, благодаря своему современному значенію. Въ нашъ вѣкъ взглядъ на жизнь людей устарѣлыхъ чрезвычайно страшенъ; они или дѣлаются ханжами, какъ Уланбекова, или принимаютъ современные идеи, перетолковывая ихъ на свой манеръ... Наши старики не сочувствуютъ идеямъ молодого по-

колѣнія, не хотѣтъ поддержать ихъ, помочь своими знаніями, вынесенными изъ опыта жизни, а между тѣмъ требуютъ тѣхъ же преимуществъ, какими пользуется молодежь... Есть мнѣніе, что въ нашей молодежи сильно развита безправственность, но правда ли это?.. въ самомъ ли дѣлѣ наше молодое поколѣніе таково?.. Стоитъ только немного понаблюдать и выйдетъ, что не молодежь безправственна, а напротивъ иные старички, эти дряхлые донъ-Жуаны, прикрытые париками и вставленными зубами. Они-то первые подають примѣръ и, что бы объ нихъ не говорили, сваливають все на молодое поколѣніе. Жестоко тотъ ошибется, кто повѣритъ сладкимъ рѣчамъ, произносимымъ во имя чистоты нравовъ какимъ-нибудь престарѣлымъ селадомомъ... Мы бы не возставали противъ этого порока, еслибы съ нимъ не было связано семейное счастье, покой жены, матери семейства, перѣдко достойной женщины. Встрѣчая такую разладницу, невольно спрашиваешь себя, — отчего она протсходитъ?.. отвѣтъ коротокъ: такъ принято... говорить, безъ этого нельзя... Что такая жизнь безправственна, то съ этимъ всякій согласится, но это еще не все, есть вещи гораздо худшія, еще болѣе отвратительныя, — это могущество женщинъ-каamelій!.. Г. М. Михайловъ въ своемъ разсказѣ «Обязательный человѣкъ» представляетъ одну изъ такихъ женщинъ, Луизу Ивановну. Приобрѣтя покровительство пѣлкой важной особы Петра Петровича, Луиза Ивановна взяла въ руки не только его, но и всѣхъ его подчиненныхъ, стала сама распорядиться мѣстами, раздавая ихъ конечно за личное вознагражденіе. На долю Ивана Петровича вынала уплата долга въ магазинъ въ пять тысячъ, за что онъ и получилъ мѣсто, соотвѣтствующее его жертвѣ. Мало того, что онъ самъ преклоняется предъ фавориткой пачальника, но еще хочетъ большаго, — требуетъ, чтобы жена его ѣхала на поклонъ къ Луизѣ Ивановнѣ; — Иванъ Петровичъ, отстраняя самолюбіе жены своей, только видитъ могущество этой барыни, предъ которою преклоняется. Луиза Ивановна не кончила тѣмъ, что продала Ивану Петровичу мѣсто, но приобрѣла надъ нимъ неограниченное вліяніе. — Иванъ Петровичъ былъ ея крѣпостной человѣкъ, ревностный исполнитель всѣхъ капризовъ Луизы Ивановны, хотя бы дѣло касалось его чести. Луиза Ивановна, покровительствуя одному молодому человѣку, Крапулинскому, желаетъ помѣстить его на службу къ Ивану Петровичу, у котораго на-бѣду нѣтъ ни одного празднаго мѣста; но Иванъ Петровичъ не смѣетъ ослушаться приказанія Луизы Ивановны, выраженаго въ самыхъ пѣжныхъ и просительныхъ словахъ... Что дѣлать *блдному* его превосходительству?.. какъ поступить?.. Несправедливо отказать кому-нибудь отъ должности, — это будетъ поступокъ противъ чести; отказать Луизѣ Ивановнѣ, — тутъ предстоитъ опасность самому лишиться мѣста!.. Иванъ Петровичъ рѣшается лучше согрѣшить предъ совѣстію, чѣмъ прогнѣвить Луизу Ивановну. Секретарь Пустозеровъ, человѣкъ уже заслужившій репутацію хорошаго чиновника, долженъ лишиться мѣста по волѣ Ивана Петровича, — и конечно, что можетъ сдѣлать бѣдный чиновникъ противъ какого-нибудь Ивана Петровича? Не чиновниковъ, занимающихъ писшія мѣста, нужио выводить въ комедіи, а людей уже достигшихъ извѣстнаго положенія въ обществѣ, начальниковъ, престарѣлыхъ превосходительствъ, которыя изъ угожденія женщинѣ, потерявшей доброе имя и честь, не задумываются сами поступить противъ чести и лишить человѣка, можетъ быть достойнаго, отца семейства, послѣдняго куска хлѣба, потому только, что на мѣсто

ихъ нужио помѣстить протеже какой-нибудь Луизы Ивановны, Г. М. Михайловъ очень недурно выдержалъ характеры Ивана Петровича, Луизы Ивановны и Жоржа, племянника Ивана Петровича, особенно характеръ послѣдняго, но нашему мнѣнію, лучше другихъ удался автору. Жоржъ человѣкъ прямой, благородный и противникъ всѣхъ пресмыкательствъ... оттого-то можетъ быть онъ и не служить... Комедія г. Кроля, напечатанная въ № 3-мъ Русскаго Мира, не имѣетъ никакихъ особенныхъ достоинствъ. Содержаніе ея таково, что г-жа Махальская, женщина съ старыми и весьма дикими понятіями, пріѣзжаетъ въ домъ своего зятя Верховскаго, гдѣ ей ничего не правится, какъ не согласное съ ея убѣжденіями. Эта престарѣлая хапжа непременно хочетъ посорить мужа съ женою, но копчаетъ тѣмъ, что разсерженная неудачею, уѣзжаетъ къ себѣ домой... О характерахъ дѣйствующихъ лицъ мы узнаемъ только изъ описанія, сдѣланнаго самимъ авторомъ, въ самой же комедіи они довольно блѣдны... Вообще произведеніе г. Кроля чрезвычайно легенькая вещь, такъ что названіе «комедіи» намъ кажется слишкомъ громкимъ... Г. Кроль взялъ бы примѣръ съ г. Островскаго, трудъ котораго уже несомнѣнно лучше, но все-таки носитъ скромное названіе «сценъ»; — то же бы приличествовало и произведенію г. Кроля. На сценѣ эта небольшая вещь, какъ намъ кажется, могла бы имѣть успѣхъ, потому что написана недурными стихами и дѣйствіе идетъ довольно живо... Гораздо-лучше представлять такія піески, не лишеныя мысли, чѣмъ увеселять публику какими-нибудь французскими мелодрамами, мода на которыя уже въ наше время выводится; впрочемъ каждому свое... *chacun a son gout...*

ДМ. ИСАЕВЪ.

КАРЛЬ-МАРІЯ ВЕБЕРЪ.

Блаза де Бюри.

(Продолженіе)

II

Быль часъ пополуночи; изъ позднихъ посѣтителей таверны Лютера осталось только четверо, которые расположились около маленькаго классическаго столика у окна и пользовались свободно позднею порой, избавившей ихъ отъ докучныхъ сосѣдей. Эти четыре посѣтителя были: Карль-Марія Веберъ, Гофманъ, Лудвигъ Девриентъ и молодой человѣкъ, котораго мы встрѣтили утромъ въ кофейной Стелея.

Разговоръ шелъ о чудной оперѣ, объ актеряхъ, о публикѣ. Веберъ, грустный и молчаливый отъ природы, по-временамъ забывалъ свое обыкновенное уныніе, разсказывая свое ужасное волненіе и смертельную тоску при поднятій завѣса, свою радость послѣ пѣкоторыхъ *troupeaux d'ensemble*, безукоризненно исполненныхъ труппою и удивительно понятыхъ слушателями, наконецъ восторгъ въ ту минуту, когда побѣда осталась за нимъ, правда — непродолжительный восторгъ, отравленный завистью, не подождавшій даже другаго дня, чтобы уязвить генія; то былъ побѣдоносный въпнокъ, гдѣ кровавыя тернія скрывались подъ лаврами! Въ самомъ дѣлѣ, горькая клевета, ядовитый сарказмъ, доходящіе до сердца, глубоко ранили великаго композитора и улыбка его посреди торжества славы сохранила выраженіе глубокаго страданія и неизлечимой меланхоліи. — Гофманъ предавался своему чудному бреду, который въ немъ всегда возбуждали вино и музыка, два элемента его генія. Съ жаромъ разбирая образцовое произведеніе своего друга, онъ удивлялся, хвалилъ,

критиковаль, пускался въ философію по-поводу какой-нибудь арии или дуэта и вдругъ останавливался посреди своей фразы, прерываль краснорѣчивый потокъ своихъ словъ, принимаясь напѣвать какой-нибудь мотивъ на память, или чертилъ углемъ на стѣнѣ фантастической силуэтъ лица, котораго характеръ описываль по-своему.

— Послѣдній тостъ! вскричалъ онъ, наполняя въ двадцатый разъ свой стаканъ; я пилъ здоровье всѣхъ жителей Вольфешлукта, теперь пью здоровье творца романтической оперы! Благодаря Веберу, съ нынѣшняго вечера у насъ есть національная и народная опера. Уже музыка имѣла въ Моцартѣ своего Шиллера, въ Гайднѣ Клопштока, въ Бетговенѣ Жанъ-Поля; мужайся Веберъ, ты будешь ея Гофманъ, Арнимъ, Лудвигъ Тикъ, ея *Knabenwunderhorn*. Вотъ это я называю настоящей мелодрамой, гдѣ все на мѣстѣ, гдѣ музыка не пустая вставка, безтолковая подробность, ненужное украшеніе, нѣтъ, музыка принимаетъ участіе во всемъ, оживляетъ все, краситъ все. Развѣ мнѣ нужно, чтобъ объясняли поэму, когда стоитъ только сказать ея названіе? Довольно услышать десять первыхъ тактовъ увертюры и дѣйствіе пьесы мнѣ тотчасъ же будетъ извѣстно. Вслушайтесь въ глухіе звуки роговъ; это таинственное вступленіе — глубокой отпечатокъ лѣсной жизни, картина которой быстро развивается передъ вами. Мало-по-малу небо покрывается тучами; три раза повторенное пичикакто контрабасовъ возвѣщаетъ приближеніе таинственной силы. Является Саміэль, духъ тишины и уединенія, повелитель мрачнаго колдовства. При его появленіи, гремитъ громъ, оркестръ пускаетъ въ дѣло всѣ свои бури, должно совершиться большое зло отъ колдовства, какъ вдругъ, посреди этого хаоса, раздастся мелодическій голосъ, голосъ любви и спасенія, который непремѣнно восторжествуетъ. Незамѣтно адскія силы исчезаютъ и голосъ, сопровождаемый всѣми звучными инструментами оркестра, раздается съ чудной хвалой, заглушая послѣднее завываніе трубъ, которыя ревутъ въ отдаленіи, какъ закованные демоны.

Я часто представлялъ себѣ подобную поэму и твое сочиненіе явилось какъ бы въ отвѣтъ на мои мечты; авторъ долженъ, такъ сказать, сильно напиться духомъ и чувствомъ своей поэмы, тогда онъ можетъ обойтись безъ словъ. Часто, увлеченному вдохновеніемъ, ему случается придать своей музыкѣ такое пламенное, поэтическое и вѣрное выраженіе, какое трудно даже найти въ текстѣ. Я уважаю поэму Апеля и убѣжденъ, что на его мѣстѣ не придумаль бы ничего лучшаго; но имѣлъ ли онъ самъ понятіе о тѣхъ лицахъ, которыхъ тебѣ передалъ? А Каспаръ, съ своими развратными наклонностями, пасмурный и молчаливый, атенстъ и вмѣстѣ суетвѣрный, насмѣшливый, злой Каспаръ, могъ ли бы существовать безъ твоей музыки? Развѣ можно создать каватинами такіе типы! Мнѣ нравится въ твоёмъ вдохновеніи то, что оно проникаетъ незамѣтно во всѣ поры человѣческаго тѣла. Чувствуешь, что идетъ по почвѣ, гдѣ при каждомъ шагѣ музыка бьетъ ключемъ и изображаетъ подземный шумъ, таинственныя признанія и эхо тѣхъ гротовъ, гдѣ живые источники почерпаютъ свою теплоту!

Гофманъ остановился и искоса посмотрѣлъ на молодого человѣка, котораго привелъ съ собой. Молодой человѣкъ, съ сверкающими глазами, стирая со лба влажный потъ, казалось, слѣдилъ съ нервическимъ волненіемъ за каждымъ его движеніемъ. Совѣтникъ юстиціи, давъ время Девриенту набить трубку и наполнить стаканъ, продолжалъ:— Но такъ какъ музыка имѣетъ непрерывную связь съ поэмой, тупые умы

не всегда поймутъ ее. Подѣ меня сидѣлъ какой-то господинъ въ золотыхъ очкахъ, который съ самаго начала оперы до конца не переставаль предаваться самому судорожному удивленію.

Какой обрѣзанный мотивъ, шепталъ онъ, послѣ перваго куплета Килиана; потомъ, какъ бы пораженный внезапной мыслию, онъ началъ бить тактъ: разъ, два, три, четыре; разъ, два, три! Ого! что это значитъ? Рука моя осталась на воздухѣ, нѣтъ болѣе симметріи! Что съ нами будетъ, если размѣръ уже болѣе не соблюдается какъ слѣдуетъ? Онъ вынулъ памятную книжку и старательно записаль свое замысловатое замѣчаніе. Черезъ минуту, послѣ объясненія между Каспаромъ и Максомъ, онъ не утерпѣлъ не пожалѣть вслухъ, что эта сцена происходитъ въ разговорѣ.

— Какъ! объясненіе двухъ главныхъ лицъ безъ музыки! Этотъ Веберъ просто оседъ, а какъ кстати былъ бы тутъ дуэтъ!— Конечно, почтенный филистимлянинъ, думаль я между тѣмъ, великолѣпный дуэтъ *felicita*, съ речитативомъ, адажіо, ритурнелемъ съ маленькимъ рожкомъ, предшествующими кабалетъ, чтобъ дать время обоимъ егерямъ шагать по сценѣ сколько угодно. Вѣдь есть же такіе бродяги на свѣтѣ! Можешь себѣ представить изумленіе дорогаго дружка во время сцены *Вольфшлукта*, когда Каспаръ, изъ середины своего заколдованнаго круга, вызываетъ Саміэля и, приготовляя свою кабалистическую стряпню, пробуетъ, неисправимый забавникъ, хитрить съ дьяволомъ. Для человѣка, ищущаго всюду дуэтовъ и симметріи, ты согласишься, что положеніе довольно было оригинально и разговоръ, гдѣ вполонину поютъ, вполонину говорятъ, могъ легче взволновать методической мозгъ моего сосѣда.— Какія настали времена! Великій Боже! Гдѣ мы? вздыхаль онъ; лоскутья разсказа, сшитыя съ лоскутьями симфоніи! Не знаешь, кто поетъ, кто говоритъ! Ну! Актеръ замолчалъ и началъ оркестръ: экая путаница! экая мелодрама! уфъ!— Признаюсь, я не выдержаль, обернулся и, схвативъ за руку этого демона, заставившаго меня проработать нѣлыхъ два часа, сказалъ:— Вы называете это оркестромъ, милостивый государь, ошибаетесь,—это голосъ заколдованныхъ стихій: вотъ плачетъ каскадъ, вотъ свищетъ вѣтеръ въ оврагѣ, вотъ земля раздуваетъ пожаръ сквозь свои вулканическія трещины. Ночная сова хлопаетъ крыльями около пылающей жаровни. Тише, милостивый государь, а не то Каспаръ, которому вы мѣшаете продолжать заклинанія, очертить васъ своимъ кропиломъ.

— Какая неосторожность, Теодоръ! вскричалъ Веберъ; какъ ты рѣшился такъ безцеремонно унижать критика, который, можетъ быть, пишетъ въ трехъ журналахъ! Развѣ ты его не зналъ?

— Чортъ возьми, напротивъ, я слишкомъ хорошо его зналъ.

— Завтра онъ намъ отплатитъ.

— Что за важность, въ эту минуту пронеслась адская охота и, какъ ты можешь себѣ представить, я бросилъ своего филистимлянина и сталъ слѣдить за фантастической сворой. И вотъ она мчится черезъ кустарники и рвы, озера и потоки! Хлысты шелкали, сверкая кровавымъ блескомъ, крылатая собака съ головами драконовъ лаяла на верхушкахъ деревьевъ, а дичь сыпала огонь изъ cadaго своего пера. Между-тѣмъ адская труба все еще трубила и заставляла просыпаться въ дуплахъ совъ, подвластныхъ монсенъёру Саміэлю. О! чудныя трубы и возбуждающій шумъ! Гдѣ-то они остановятся послѣ всей этой бури. Трудно представить себѣ, что послѣ такой ужасной ночи взошло блестящее солнце! Въ третьемъ дѣйстви, съ

первых тактовъ молитвы Агаты, мнѣ показалось, что свѣтлый паръ показался изъ глубины обновленной земли. Пѣніе молодой дѣвушки казалось мнѣ гимномъ природы, открывающей, послѣ тяжкаго сна, свои голубые глаза, озаренные солнцемъ и росой; съ тобой, Веберъ, вездѣ найдешь природу. Въ твоей музыкѣ, какое бы ни было ея патетическое выраженіе, слышится какое-то дикое благоуханіе, упоющее душу. О твоей музыкѣ можно сказать: *semper viridis*, всегда цвѣтущая, всегда напоминающая лѣсъ съ его дремучими со снами! Когда я слышу твою музыку, мои поздри расширяются и я съ наслажденіемъ дышаю эти чудныя лѣсныя мелодіи. Я читалъ въ одной старинной хроникѣ, что одинъ изъ тюрингенскихъ маркграфовъ, по имени Асприанъ, любилъ дотогу охоту, что помѣшался на этой страсти. Передавъ правленіе своего государства сыну, мой Фрейшюцъ сталъ днемъ и ночью охотиться въ лѣсахъ, взбирался на деревья, однимъ словомъ велъ безпокойную и кочевую жизнь бѣлки. Должно быть въ то время тетерева считались большою рѣдкостью. Въ одинъ вечеръ Асприану удалось поймать такого тетерева, перваго въ своей жизни. При видѣ птицы старый маркграфъ привскочилъ на своей вѣтви съ такою радостью, что она чуть не переломилась. Однако тетерева нисколько не испугала близкаго сосѣда и, страшное дѣло, вмѣсто того чтобы улѣтѣть, какъ это сдѣлали бы другіе, онъ приближался къ Асприану, какъ бы привлекаемый магнетическимъ вліяніемъ. Человѣкъ и птица всю ночь смотрѣли другъ на друга; Асприанъ не сводилъ огненныхъ глазъ съ бѣдной птицы, которая, уничтоженная, покоренная этимъ страннымъ взглядомъ, издохла съ восходомъ солнца. Тогда совершилось чудо. Душа мертвой птицы перешла въ тѣло маркграфа. Съ этого дня Асприанъ потерялъ даръ слова: изъ человѣка онъ сдѣлался тетеревомъ. Не знаю, почему эта сумасшедшая сказка пришла мнѣ теперь въ голову. Говоря о превращеніяхъ, скажи мнѣ, Веберъ: ты можешь быть и есть тотъ графъ Асприанъ, та баснословная птица, которая, проживъ болѣе трехъ столѣтій, освободясь отъ колдовства и возвращенная человѣчеству, открываетъ людямъ таинственную и мрачную поэзію, которою питалась въ другой жизни?

— А! Какъо начинается заговариваться, возразилъ Девриентъ, пустивъ на воздухъ густое облако дыму; впрочемъ онъ не виновать, мы слишкомъ много пили. Что до меня касается, Веберъ, я не знаю, изъ какихъ странъ ты къ намъ явился, и вовсе не забочусь о твоёмъ прежнемъ сообщеніи съ гномами и ундинами, эльфами или саламандрами. *Salamander soll glühen*, саламандра должна сверкать, сказалъ старый докторъ, а я прибавлю, музыкантъ долженъ пѣть, каждому свое назначено. Я знаю только, что ты основалъ нѣмецкую оперу и пашель въ глубокихъ таинствахъ своего искусства ту жилу романтизма, которую поэзія уже давно открыла, роясь въ мифахъ исторіи. Бѣдная нѣмецкая сцена! что стало съ нею со смерти Моцарта! Мы жили заимствованиями отъ Италіи и Франціи и нужно было явиться *Taikredu* непотребно Россіи и напомнить намъ, что такое энтузіазмъ. Господа, за здоровье Саміэля, мрачнаго генія лѣсовъ, которому мы обязаны чудной оперой.

— Здоровье Вебера! вскричалъ восторженно молодой человекъ, котораго привелъ Веберъ, здоровье вдохновеннаго композитора, великаго маэстро современной Германіи! Дай Богъ, чтобы священное искусство, къ которому влечетъ его судьба, открыло ему всѣ богатства своей фантазіи, свои сокровеннѣйшіе дары!... Желаю ему жить долго и счастливо, насла-

ждался своей славой, торжествуя надъ соперниками; да пойдетъ въ его душу всѣ радости и упоенія славы и да будетъ душа его источникомъ міра, къ которому соберутся всѣ страждущіе!

— Всѣ страждущіе! повторилъ съ горькой, проптической улыбкой Веберъ, который въ своемъ грустномъ мечтаніи, казалось, запомнилъ только два послѣдніе слова тоста своего восторженнаго корифея; всѣ страждущіе! а онъ будетъ ихъ утѣшать? Когда Веберъ всемъ пожертвуетъ своему искусству, покоемъ, здоровьемъ, счастьемъ, когда онъ умретъ отъ трудовъ, кто позаботится о его семьѣ? Увы! никто! Но, скажутъ иные, произведенія переживаютъ автора. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ пятьдесятъ, или шестьдесятъ лѣтъ кое-какіе добрые люди удостоятъ назвать васъ геніемъ и постараются доказать свѣту, что ваши современники очень-дурно сдѣлали, что дали вамъ умереть отъ бѣдности и отчаянія. Сейчасъ явятся возстановители вашей памяти. Мы всѣ знаемъ, какимъ образомъ производится подобныя апофеозы: составляется филармоническое общество, заказывается банкетъ-монсёръ по пятнадцати ливровъ съ человѣка, безъ вина; за этимъ банкетомъ стануть преисправно ѣсть и пить, все въ память вашей славы; рѣчи также будутъ слѣдовать въ томъ же порядкѣ. Наконецъ, когда послѣ слишкомъ частыхъ возлітій общество разчувствуется и стапнетъ проливать слезы, слушая рассказъ о вашихъ мученіяхъ, послѣдній ораторъ, провозгласивъ въ двадцатый разъ тостъ за ваше здоровье, предложитъ соорудить вамъ памятникъ. При этихъ словахъ раздаются восторженныя рукоплесканія и составляется коммиссія, обыкновенно подъ управленіемъ какого-нибудь шарлатана, который радъ воспользоваться такимъ случаемъ, чтобы порисоваться на пьедесталѣ, пока не поставили еще на него вашей статуи; скоро со всѣхъ концовъ Европы народный гласъ затрубитъ сборъ, со всѣхъ сторонъ посыплются подаянны, дукаты польются рѣкой въ кассу и, къ довершенію посмертнаго благополучія, современный Микель-Анжело предложитъ перенести на полотно ваши черты безъ всякаго вознагражденія. Однимъ словомъ, послѣ вашей смерти не жалѣютъ ничего, чтобы васъ прославить. Наконецъ настаетъ торжественный день: статуя, увѣнчанная лаврами и цвѣточными гирляндами, является передъ толпой, испускающей восторженныя крики. Ваше имя раздается на всѣхъ губахъ, ваша музыка гремитъ изо всей силы; еще утромъ вашъ издатель назначилъ на продажу великолѣпно изданныя ваши произведенія. О! чудное торжество и великолѣпная будущность, еслибъ болѣею частию не случилось такъ, что въ то время, когда происходятъ такія прекрасныя вещи, вашъ сынъ, доведенный до послѣдней крайности, несетъ заложить фамильные часы, чтобы похоронить свою мать, умершую въ какой-нибудь каморкѣ предмѣстія!

— Карлъ! вскричалъ Девриентъ, ты ли это говоришь! Ты оскорбляешь свою родину; неужели можешь существовать такая неблагодарность!

— Можетъ быть, возразилъ Веберъ, немного успокоившись, я преувеличилъ нѣкоторыя подробности, но основныя картины вѣрна, увѣрю тебя. Стапемъ любить наше искусство болѣе всего на свѣтѣ, но не будемъ такъ безумно жертвовать собой для глупой и завистливой толпы, неспособной достойно оцѣнить генія, пока имѣетъ его передъ глазами.

Съ тѣхъ поръ какъ Гофманъ замолчалъ, онъ не переставалъ наблюдать за своимъ сосѣдомъ съ лѣвой стороны, который, съ неподвижнымъ взоромъ, съ благоговѣніемъ выш-

малъ каждому слову Вебера, боясь проронить хотя одинъ слогъ. Въ ту минуту, какъ замолчалъ его оракулъ, молодой человѣкъ отеръ крупную слезу и, вынувъ что-то изъ кармана, сжалъ въ своей рукѣ и потомъ поднесъ къ стакану.

Гофманъ слѣдилъ внимательно за всѣми его движеніями при небольшомъ стукѣ, незамѣченномъ другими собесѣдниками, быстро оборотился и схватилъ за руку своего молчаливаго сосѣда.

— Стой, *камарадъ*, вскричалъ онъ, развѣ ты не видишь, что твой стаканъ полонъ до краевъ. Что ты собираешься еще туда влить, чортъ возьми!

При этихъ словахъ молодой человѣкъ покраснѣлъ и, показывая видъ, что шутитъ, старался освободить свою руку отъ сильнаго пожатія совѣтника юстиціи; но Гофманъ не поддавался и началъ кричать: «Ко мнѣ, Саміэль, помоги Саміэль!» Девріентъ счелъ не лишнимъ вмѣшаться въ ссору и, обративъ на непокорнаго юношу свои большіе магнетическіе глаза, сказалъ:

— Здѣсь предсѣдательствуетъ совѣтникъ юстиціи и сопротивление невозможно, — такъ сдайся лучше.

— Дѣлать нечего, отвѣчалъ молодой человѣкъ, насильственно разнѣявшись и бросилъ на столъ предметъ ссоры. Гофманъ схватилъ его: — это былъ хрустальный флаконъ съ какою-то жидкостью; Гофманъ открылъ его, понюхалъ и вскричалъ съ ужасомъ и отвращеніемъ:

— Опіумъ! клянусь Богомъ, это опіумъ! И вы хотите его влить въ ваше вино! Въ ваши лѣта такія возбуждающія средства, молодой человѣкъ, непостижимы, тысяча чертей!

— Ты рехнулся, Гофманъ, замѣтилъ Девріентъ и, оборотясь къ Веберу, прибавилъ: послѣдній разъ, когда я игралъ Шейлока, я попробовалъ опіумъ и, кромѣ первической горячки, удержавшей меня въ постели двѣ недѣли, я чувствовалъ себя очень-хорошо.

— Конфискую вашу склянку, продолжалъ Гофманъ, кладя флаконъ въ карманъ; эй, мальчикъ, подай другой стаканъ. Примемся, друзья, за бургонское; оно прекрасно и старо какъ мнѣ! А вы, молодой человѣкъ, извольте явиться завтра пораньше ко мнѣ, чтобъ выслушать порядочную проповѣдь...

— О! г. Гофманъ, прибавилъ молодой человѣкъ съ грустной улыбкой, я очень-радъ бывать у васъ какъ можно чаще, если позволите, — но слышать васъ, другое дѣло; съ завтрашняго дня человѣкъ, который говоритъ съ вами, не услышитъ никого въ мнѣ.

— Это почему, *камарадъ*? вскричалъ Гофманъ.

— Потому, возразилъ съ невыразимой грустью молодой человѣкъ, что завтра я оглохну. При этихъ словахъ Гофманъ, Веберъ и Девріентъ съ изумленіемъ взглянули другъ на друга, какъ будто имѣли дѣло съ сумасшедшимъ. Молодой человѣкъ обратился къ Веберу и, протянувъ ему руку черезъ столъ, сказалъ: — О, великій маэстро! сегодня, чтобъ услышать ваше безсмертное произведеніе, я напрягъ всѣ силы органа, который когда-то отличался удивительною чувствительностью и вотъ уже восемь лѣтъ слабѣетъ съ каждымъ днемъ. Ожидаемая неизбѣжная потеря этого чувства сдѣлала мою жизнь сущимъ адомъ; пожалѣйте меня, я несчастнѣйшій человѣкъ въ мнѣ!...

(Продолженіе впрелѣ.)

БИБЛОГРАФІЯ ДОНЪ-ЖУАНА,

ИЛИ ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, ОСНОВАННЫХЪ НА ЛЕГЕНДѢ О ДОНЪ-ЖУАНѢ, А ТАКЖЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СТАТЕЙ И РАЗСУЖДЕНІЙ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ.

- (?) ATEISTA FULMINADO. Auto sacramental неизвѣстнаго автора, изъ котораго сцены напечатаны въ замѣчаніяхъ Кольриджа къ поэму лорда Байрона: Донъ-Жуанъ.
1588. GONZALO ARGOTE DE MOLINA: Nobleza de Andaluzia. 1 vol. in fol°. En Sevilla, por Fernando Diaz.
1620. TIRSO DE MOLINA (Gabriel Tellez): El Burlador de Sevilla y Convidado de Piedra (драматическое представленіе въ трехъ хориадахъ).
1620. ANDRÉ FAUVIN: Le Théâtre d'Honneur et de Chevalerie. 2 vol. in 4°, fig. Paris.
1652. ONOFRIO GILIBERTI DA SOLOFRA: Il Convitato di Pietra, in prosa. Napoli, Francesco Savio (драматическое представленіе).
1657. IL CONVITATO DI PIETRA (драматическое представленіе).
1658. DORIMOND: Le Festin de Pierre, ou le Fils Criminel. Tragi-comédie en cinq actes, en vers. In 12°. Paris, Loyson, 1661.
1659. LE SIEUR DE VILLIERS: Le Festin de Pierre, ou le Fils Criminel. Tragi-comédie. Traduit de l'Italien en Français. In 12°. Imprimé à Amsterdam.
1660. LE MOQUEUR DE SEVILLE, ou le Convié de Pierre (драматическое представленіе).
1662. GIOVANNI ANDREA CICOGNINI: Il Convitato di Pietra. Opera Famosissima et Esemplare. In Venetia, apresso Alessandro Zatta. In 16°. (драматическое представленіе).
1665. MOLIÈRE: Don Juan, ou le Festin de Pierre, comédie en cinq actes, en prose.
1667. IL CONVITATO DI PIETRA; coll' Aggiunta (драматическое представленіе).
1669. ROSIMOND: Le Nouveau Festin de Pierre, ou l'Athée Foudroyé. Tragi-comédie, en cinq actes, en vers. In 12°. Paris, Pierre Bienfait, René Guignard et François Clouzier fils, 1670.
1672. TH. CORNEILLE: Le Festin de Pierre, comédie en cinq actes, en vers, sur la prose de Molière. In 12°. Paris, Th. Guilain, 1673.
1673. LA SUITE DU FESTIN DE PIERRE. Comédie en trois actes, avec la musique de Cambert, composée en 1657.
1676. TH. SHADWELL: The Libertine Destroyed (драматическое представленіе).
1678. ANDREA PERUCCI DA PALERMO: Il Convitato di Pietra, opera tragica, in prosa. Napoli, Francesco Massari (драматическое представленіе).
1690. ENRICO PREUDARCA: Il Convitato di Pietra, opera tragica, in prosa. Napoli, Giovanni Francesco Pace (драматическое представленіе).
1713. LE TELLIER: Le Festin de Pierre, opéra comique en trois actes et en vaudeville, sans prose.
1717. IL CONVITATO DI PIETRA (съ театра Риккони въ Парижѣ).
1725. DON ANTONIO DE ZAMORA: No hay Deuda que no se pague, o el Convidado de Piedra (театральная пьеса, передѣланная изъ Tirso de Molina).
1734. FR. et CL. PARFAICT FRÈRES: Histoire Générale du Théâtre Français. 15 vol. in 12°. Amsterdam. T. VIII, p. 255. T. IX, p. 3 et 343. T. X, p. 420.
1736. CARLO GOLDONI: Don Giovanni Tenorio, ossia: Il Dissoluto. Commedia in cinque atti, in prosa.
1743. LE FESTIN DE PIERRE. Comédie en cinq actes, traduite de la pièce Italienne.
1746. LE GRAND FESTIN DE PIERRE. Pantomime (chez Colin et Restier fils).
- 17.... DON JUAN und DON PIETRO, oder das steinerne Todten-Gastmahl. Trauerspiel in drei Theilen und neun Aufzügen (съ театра марионетокъ въ Аугсбургѣ).

(Продолженіе впрелѣ.)

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 7 февраля 1859 года. Цезарь Д. Мацкевичъ.

Въ типографіи Я. Гюнсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.

Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.